

УЛЬЯНА
СОБОЛЕВА

Одержимость

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Одержимость

«Ульяна Соболева»

2015

Соболева У.

Одержимость / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2015

Эмоции на грани, яростное желание владеть безраздельно, унижить, разорвать ту, которая превратила его жизнь в болото крови, грязи и дикой боли, но не сломала. Он вернулся с того света, чтобы заставить её рыдать кровавыми слезами. Призрак, человек без имени, отпечатков пальцев и без прошлого...Одержимый ею. Обжигающая страсть, дикая ревность, неудержимость, секс без цензуры, кровавые убийства и насилие... Все это вы можете прочесть в новой книге Ульяны Соболевой «Одержимость». Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Одержимость

ПРОЛОГ

Кукла. Израиль. Синайская пустыня. 2009 год

Жажда, она страшнее голода, страшнее насилия и побоев. Жажда сводит с ума, лишает последних сил. Сейчас я готова была на все за каплю воды. Даже на убийство. Да, я могла загрызть, разорвать кого-то лишь за маленький глоточек. Но нас специально не поили, чтобы мы сломались ещё до того, как пересечём проклятую пустыню. Я ненавидела солнце и песок. Господи, всего лишь несколько дней назад я мечтала о море, пляже и жаре, сейчас я бы предпочла Северный Полюс. Наши конвоиры-бедуины ехали следом на верблюдах, а нас тащили вереницей, подталкивая карабинами в спины, если кто-то падал, поднимали за волосы, привязывали к седлу и все равно тащили. Я тысячу раз благодарила Бога за то, что все ещё живая, все ещё иду, и у меня есть остатки сил и разума. Другие сломались. Я видела в их глазах отчаянное равнодушие ко всему, что происходит. Так быстро. Всего лишь за три дня мы превращались в скот. Я не хотела быть животным, я останусь человеком, и эти твари, которые возомнили себя моими хозяевами, не дождутся от меня покорности. Они дадут нам пить. Если нет – мы начнёмдохнуть как мухи, а они потеряют деньги. Ведь им за нас заплатили и, наверняка, немало. Иначе они не тащили бы нас вот уже третьи сутки через пески. И я предпочитала идти, потому что, когда мы делали привал, эти ублюдки в масках обязательно кого-то насильовали. Они называли нас "русскими сучками". Они уже сказали нам на ломаном английском, куда и зачем нас везут, и наглядно показали, что будут с нами делать. Поэтому я лучше буду идти или ползти, но я не хочу отдыхать, я только ужасно хочу пить.

Нас напоили через несколько часов, когда караван приблизился к высокому забору с колючей проволокой. Пустили по кругу старую, ржавую флягу, и мы по очереди сделали несколько глотков. У меня потрескались губы, до крови, прикосаться к горлышку сосуда было больно. Удержаться и не осушить полностью ещё труднее, но у нас отбирали питье сразу после трёх глотков и передавали дальше.

Мы пересекали границу. Одна из девушек отказалась ползти на животе под ограждением из колючей проволоки, бедуины начали бить её ногами и прикладами карабинов по голове. Никто не заступился, даже я. Нет, это не было трусостью, это было желание выжить любой ценой. Несчастную пристрелили прямо там и закопали в песок, не сильно утруждаясь, скоро тело найдут шакалы, и от него останутся лишь обглоданные кости.

Наверное, в этот момент я больше не питала иллюзий. Да и остальные тоже. Нас затолкали в фургон, закрыли снаружи, и мы снова поехали, в кромешной темноте. Все молчали. Только теперь нас уже не сопровождали бедуины, нас передали другим "хозяевам", а они прекрасно говорили по-русски. Мы слышали их голоса, смех, маты через тонкую перегородку. Девушки немного оживились, они снова надеялись, все кроме меня. Кто, как ни я, мог знать, что свои здесь давно стали чужими. Сейчас я могла только думать, напряжённо сопоставлять факты, вспоминать свою прошлую жизнь и то, почему я здесь оказалась, кем я была раньше. От кого бежала и зачем. Почему попала из огня да в полымя. Господи, сколько имён и фамилий, я уже сама толком не помню, кто я на самом деле... Но я знаю, что ОН найдёт меня даже в Аду. Призрак. Мой персональный палач. За что? Да мало ли за что. Я много плохого сделала в этой жизни. Значит у него есть причины меня казнить, а у меня есть причины цепляться за эту проклятую жизнь зубами. Игра на выживание, в которой будет лишь один победитель.

Кукла. Россия. 2007 год

Я в недоумении смотрела на круглую красную дырочку в голове моего заказчика, на мёртвые, широко распахнутые глаза и мои пальцы судорожно сжимали крошечную флэшку, которую тот успел мне передать перед смертью. Осторожно, двигаясь по полу назад, на четвереньках, я доползла до стены и прижалась к ней голой спиной. Он стоял в темноте, я лишь угадывала его силуэт и пистолет с глушителем, направленный на меня. Я следующая. Киллеры не оставляют свидетелей. Тем более Он уже давно следил за мной. Я помнила его. Не знаю откуда, но я точно его видела раньше. У меня фотографическая память. Мужчина запер дверь на ключ, и в глухой тишине щелчок замка стал для меня громче пушечного выстрела. Проклятое вечернее платье, проклятые шпильки. Если бы я знала, что попаду в такую переделку, я бы подготовилась. А сейчас, безоружная, в шёлковой тряпке, едва прикрывающей зад, сижу на полу, и жду, когда рука наёмника в чёрной латексной перчатке медленно поднимется вверх, и пуля пригвоздит меня к этой стене навсегда. Но он не выстрелил, медленно двинулся ко мне. Я незаметно подтолкнула флэшку к столу. Несмотря на исполинский рост, мощное телосложение двигался он, как танцор или леопард перед прыжком. Я пыталась вспомнить, видела ли я его среди гостей сегодня, и не могла. Я бы запомнила. Непременно.

Лунный свет цеплял лишь огромный силуэт и его глаза. Звериные. Я не различала их цвет, но они наверняка тёмные, бездонные, сулящие только смерть. Мне стало страшно. Вскочив с пола, неловко подвернув ногу, я бросилась на балкон. Может быть, кто-то увидит нас, придёт на помощь. Ведь в этой проклятой гостинице есть жильцы, обслуга, охрана, хоть кто-то.

Конечно есть, но под утро все спят, как убитые, а охрана точно не будет ходить по коридорам в ожидании криков о помощи. Гости заказчика разошлись ещё несколько часов назад. Ночная прохлада ворвалась в горло судорожным вздохом отчаяния. Я металась по узкому про странству, бросалась к перилам, вглядываясь в тёмные окна соседей напротив. Потом посмотрела вниз – десятый этаж. Внизу снуют машины, горят фонари, а здесь наверху крошечная тьма, даже луна спряталась за тучи.

Я никуда не денусь из этой ловушки, закричу – пристрелит, с десятого этажа не спрыгнуть, я не миссис Смит*1, ввязаться с ним в драку – безумие. Я сползла на пол и лихорадочно принялась шарить пальцами по холодному мраморному кафелю. Найти бы хоть что-то: битое стекло, зажигалку, что-нибудь, но поверхность была гладкой и стерильно чистой.

Мужчина подошёл ко мне и рывком поднял с пола, как пёрышко.

Я зажмурилась, сейчас он свернёт мне шею. Для него это пара пустяков. Киллер прижал меня к перилам, удерживая на весу одной рукой. Теперь я видела его глаза очень близко, почти на уровне моих глаз. Да, они тёмные. Как ночь или смерть. Одно моё неверное движение, и он столкнёт меня вниз. О боже... да он так и сделает. Я уже мысленно видела заголовки утренних газет: "Главного директора торговой компании "Терион" сегодня ночью застрелили в его собственном номере гостиницы "Интурист". Преступница покончила жизнь самоубийством..." Или как там пишут на первой полосе?

Я лихорадочно взвешивала наши силы, они неравные, даже если я сейчас ударю его или вцеплюсь когтями в эти холодные змеиные глаза, он все равно не выпустит. Словно в ответ на мои мысли наёмник разжал пальцы, и его ладонь сдвинулась с горла к моим ключицам. Я судорожно вцепилась пальцами в поручни. Сзади бездна, а впереди моя смерть. Рука в чёрной перчатке поддела тоненькую лямку вечернего платья и спустила с плеча, потом другую. О нет... только не это... Он меня раздевает? Это такая игра? Или хочет изнасиловать меня перед тем, как убьёт? В том, что итог окажется неизменным, я уже не сомневалась. Резко обернулась и посмотрела вниз, от высоты закружилась голова. Может лучше сделать шаг назад, чтобы не мучиться? Он словно прочёл мои мысли, схватил за волосы, приставил пистолет к моей груди, холодное дуло обожгло воспалённую кожу.

– Держись крепче, – голос спокойный, чётко слышно каждое слово. Я подчинилась и вцепилась в поручень ещё сильнее, до боли, – Смотри на меня.

Я и так смотрела, потому что он гипнотизировал меня, как удав. Страшные глаза. Они лихорадочно блестели. Я старалась его рассмотреть, чтобы запомнить, если останусь в живых, но в полумраке я могла лишь видеть ассиметричные черты лица, очень крупный подбородок, кривоватый нос, сильно развитые челюсти, выступающие скулы. Лицо призрака, смазанное, лишь силуэты, очертания. Даже одежда не бросается в глаза – на нем классический элегантный чёрный костюм, белый воротник рубашки выделяется пятном на тёмном фоне. Я пыталась ни о чем не думать, дышать медленно, ровно, но мне не хватало воздуха, я чувствовала опасность – смертельную, неизбежную. Дуло пистолета скользнуло по моей груди и задело сосок. Несмотря на то, что у меня от ужаса подкашивались ноги, я вздрогнула. Прикосновение холодной стали было обжигающим. Он все ещё держал меня за волосы, но уже не так цепко, почти не причиняя боли. Потянул корсаж платья вниз, и лёгкий шёлк соскользнул с плеч, спустился до пояса. Ночной ветерок коснулся моей кожи. Теперь холодная сталь прошла по моему животу, спускаясь ниже, к бедру, зацепила подол платья и потянула вверх, обнажая ноги. Прикосновения были осторожными, и я закусила губу. Собственные чувства обострились, как на лезвии ножа. И вдруг он прижался губами к моей шее, шумно втянул воздух, словно приносиваясь. Я вздрогнула. У него были очень мягкие губы, я ждала грубости, но он осторожно касался ртом моей кожи, поднимаясь к скуле, к мочке уха. По моему телу прошла дрожь, и низ живота опалило сексуальное возбуждение. Я где-то читала, что такое бывает в минуты опасности. Так организм борется со стрессом... Боже, какая чушь. Меня лапает убийца, он наверняка затеял со мной свою собственную игру, и очень скоро я почувствую боль... очень скоро. Дуло пистолета подцепило резинку трусиков, его рука спустилась по моей спине к ягодицам, огромная ладонь резко задрала платье наверх и дёрнула тонкую резинку стрингов, я услышала треск материи, и кружево скользнуло к лодыжкам. Прикосновение перчатки, а не пальцев, было обжигающим. Призрак сжал мою грудь, нашёл сосок и слегка сдавил. Моё дыхание участилось. Тело жило своей жизнью, отзывалось на ласку. Его властность, неизбежность и необратимость того, что должно было произойти, подхлестнуло моё воображение. Я все ещё смотрела ему в глаза. Собственная развращённость взрывала мозг. Меня ещё никогда не ласкали столь дерзко и нагло. Я всегда вела, а сейчас вели меня. Я просто кукла в его руках, и он знает на какую кнопку нажать, управляет мной, все эмоции завязаны на страхе и диком взрыве адреналина. Наглые ладони бесцеремонно скользили по внутренней стороне бедра. Он смотрел на мою грудь, на предательски сжавшиеся в комочки соски. Я дёрнулась, когда пальцы приблизились к моему лону. И дуло пистолета оперлось мне в грудь, словно предупреждая. Я громко вздохнула и почувствовала влагу между бёдер. Со мной такого не случалось уже давно. Лет шесть, как минимум с тех пор как... Черт, не важно... Не сейчас... Никаких воспоминаний. Мужчинам почти никогда не удавалось завести меня, а вот этому наёмнику удалось с пол оборота. И никакой романтики. Ледяная сталь снова коснулась напряжённого соска, и я не выдержала, тихо застонала. Он сильнее прижал меня к перилам и вдруг резко развернул спиной к себе, я невольно перевернулась вниз, и в глазах появились разноцветные точки. Захватило дух от такой высоты. Мужчина раздвинул мне ноги коленом, я услышала лязг пряжки ремня. Сильная рука легла мне на горло, ограничивая движения, но не причиняя боли, он так и не выпустил пистолет, заставил прогнуться назад, и я невольно подняла руку и схватилась за его шею, запрокидывая голову ему на плечо, прижимаясь обнажённой спиной к жёсткой материи пиджака, чувствуя позвоночником каждую пуговицу, а впереди бездна, стоит неосторожно перегнуться через перила, и меня размажет по асфальту. Я ощутила касание твёрдого члена, который тёрся о мои голые ягодицы, другая рука киллера скользнула по моему животу. Он все ещё в перчатках. Я уже дрожала от возбуждения, от страха и от желания, чтобы он наконец-то меня взял. Да, я хотела его, вот этого убийцу без лица и без имени, который наверняка прострелит мне череп после того,

как все закончится. Когда он коснулся моего лона, я сдавленно вскрикнула. Мужские пальцы безошибочно нашли клитор и нежно потёрли. Скольжение материи, резкое и неожиданное, латекс прохладный, шершавый раздражает плоть, возбуждает невыносимо. Этого было достаточно, чтобы я взорвалась. Оголённые до предела нервы не выдержали напряжения. Я услышала свой хриплый стон, оргазм был подобен цунами, острый, яркий, и в тот же момент в меня проникла его плоть. Резким толчком заполнил меня до упора. Я все ещё содрогалась в конвульсиях наслаждения, крепко сжимая раскалённый член сокращающимися мышцами лона. От него ни одного звука, только дыхание шумное, со свистом. Он двигался во мне яростно, сильно, разрывая меня изнутри, растягивая. Я слышала собственные стоны, чувствовала его губы на своей шее, касание зубов, когда он слегка прикусывал кожу на затылке. Перила давили мне на ребра, но движения внутри меня заглушали все остальные чувства. Его ладонь накрыла мою грудь, пальцы сжали сосок, слегка потянули, и я застонала снова. Рука с пистолетом уже не так сильно давила на горло. Ко мне возвращался рассудок. Нужно дождаться, когда он кончит, отобрать пушку, и тогда у меня появится шанс. Я начала двигаться ему навстречу, извиваться, насаживаясь на член, заполняющий меня полностью, до предела, дальше некуда. Я вцепилась ногтями в его руку, продолжающую ласкать мою грудь. Меня снова уносило, накрывало наслаждением острым, развратным, первобытным. Я чувствовала себя бесстыжей самкой. Но краем глаза все ещё следила за пистолетом. Если не отберу сейчас – кончу снова и .. Господи. Я резко выхватила пистолет, ударила своего смертельного любовника локтем прямо в челюсть, воспользовавшись моментом его замешательства и вырвалась из удушающих объятий, направила дуло пистолета в это смазанное, бледное лицо. Мои руки предательски дрожали.

– Одно движение, засранец, и я вышибу тебе мозги. Стой на месте, не двигайся.

Он и не думал. Смотрел на меня горящим взглядом, потом натянул штаны и совершенно спокойно застегнул ширинку.

– А ты меня не узнала, маленькая. . . , – тихо сказал он, и у меня по спине пробежал холодок страха, – беги, прячься, я все равно найду тебя.

– Да пошёл ты!

Я бросилась прочь, побыстрее выбраться из проклятого номера, по пути споткнулась о тело заказчика, содрогнулась от ужаса, распахнула дверь и помчалась к лифту. Чёртова флэшка так и осталась на полу. Я надеялась, что она заблокирована, и он не сможет прочесть информацию. Мне же было достаточно взглянуть один раз, чтобы запомнить. На улице поймала такси и нырнула на заднее сидение. К черту. Я уезжаю сегодня же. С меня хватит этих гребаных заказов. Я выхожу из игры, потому что меня или захотели слить или появился кто-то, кто охотится на саму Куклу.

ГЛАВА 1

Маша. Россия. 1997 год

Господи, как же холодно, нескончаемый дождь, ветер пробирает до костей. Раньше я любила осень и зиму, а сейчас я ждала потепления. Тогда в моем убежище из картонных коробок будет намного уютнее. Я достала спички из кармана огромной рваной куртки и взяла из стопки листовку, привычный текст бросился в глаза: "Внимание, пропала девочка. Мария Свиридова. 15 лет. Особые приметы – родинка на правой щеке. Всех, кто знает о её местонахождении, просим обратиться по этому номеру телефона. . . "

Я подошла к листовке и с наслаждением смотрела, как горит бумага. Я содрала их все, по крайней мере, в нашем районе. Каждую ночь, вот уже больше года, я обрывала эти жалкие клочки бумаги, развешенные социальными работниками школы или кем там ещё. Я не хотела, чтобы меня нашли. Я не хотела в интернат. Лучше улица. В животе заурчало. Цыган не принёс сегодня поесть, точнее притащил жалкие крохи, сам голодный остался, а меня накормил.

Но мне было мало, я все равно не усну от голода. Возле рынка часто выбрасывают полусгнившие продукты, и если бездомные собаки не растащили пакеты, то мне перепадёт немножко чёрствого, зацвешего хлеба, а может и корочки апельсина или колбаса. Желудок судорожно сжался, и во рту выделилась слюна. Бабушка всегда покупала "докторскую", для меня. Себе отказывала, а мне никогда. Я поковырялась в кармане, нашла "бычок", даже три – один "королевский", почти пол сигареты, посмотрела на него, повертела в руках. На завтра. Сегодня обойдусь самым маленьким. Выкурила до самого фильтра, обожгла пальцы и затушила, плюнув на тлеющий кончик. Завыл ветер, и я с тоской подумала о том, как еще прошлой весной и зимой я спала в своей маленькой тесной комнатке, и бабушка заваривала мне чай с малиной. Она умерла. Не знаю почему, просто умерла. Я никогда не считала её старой и никогда не задумывалась, что останусь одна, и вдруг она ушла вот так быстро, а кроме неё у меня никого не было. Отец нас бросил ещё до того, как я родилась, а мама умерла при родах. Только фотография висела на стене, да бабушкины рассказы. Но она оставалась для меня чужой и незнакомой. Это все равно, что потерять что-то, чего у тебя никогда не было. Я не понимала тупых соболезнований и вопросов типа: "Как ты без мамы?". Да как все. Жизнь на улице началась внезапно. Я никогда не думала, что буду способна укусить социального работника за руку, пнуть в живот коленкой и удрать в неизвестном направлении, я это сделала. Привыкать к будням бездомной бродяжки было трудно, отвоёвывать своё место на чердаке заброшенной стройки ещё труднее, но у меня получилось. Наверное, тогда я поняла, что у меня есть власть над мужчинами, пока самыми юными, такими, как Цыган. Как только я появилась в нашей "семье", он тут же положил на меня глаз. В школе меня называли красивым ребёнком, часто фотографировали для всяких там школьных газет, журналов, но это все осталось в прошлой жизни. В этой, я самым первым делом отстригла волосы ржавым ножом, обгрызла ногти. Я не хотела, чтобы во мне видели девчонку. Если бы не Цыган, которого все боялись, отымел бы каждый, кто захотел, но тот не дал. Сразу взял под своё крылышко, а потом и драться научил. Со мной вместе в картонных коробках жил Барсук. Севка. Он был младше меня года на три, но тот ещё зверёныш, поначалу мы с ним дрались за каждый сантиметр, а потом сдружились. Барсука неделю назад задавил пьяный придурок, и я осталась одна. Если это можно так назвать. У нас была своя бригада малолеток-беспризорников, на чердаке нас теперь целая толпа, и «держал» всех Цыган, сколько ему лет я так и не знала, на вид восемнадцать, но могло быть и больше, а может меньше. Кликуха такая, потому что серьга в ухе, вечно чумазый и волосы кудрявые. Хотя, хрен его знает, может и правда цыган, я его биографию не изучала. Он давал нам работу, мне почище, другим погрязнее. Каждый день мы рассыпались по району в поисках добычи. Цыган подкидывал наводку, за это получал свою долю. Он сбывал краденое, приносил нам жарчку и немного денег. Сегодня не принёс, пришёл избытый, весь в синяках, сказал, что старшие все бабки отобрали, обо мне, правда, позаботился – притащил пару кусочков хлеба. Мы так и пошли спать голодные. Цыган пообещал, что завтра у него есть для нас дело покруче, и мы точно останемся в выигрыше. Я поверила. А кому верить, если не Цыгану? Он меня оберегал. Почему? Не знаю. Не друзья, не пара. Да какая там пара, я бы его к себе не подпустила, а он и не лез. У него для этих дел Белка имелась. Малолетняя проститутка, она иногда у нас ночевала, когда сутенёр лютовал, расплачивалась с Цыганом натурой. Я не ревновала, мне было фиолетово, а вот он ревновал меня ко всем, даже к несчастному Барсуку. Но за Барсука я готова была сама кому угодно глотку перегрызть, так что его не трогали. Севкаааа. Я не оплакивала его. Для меня смерть была чем-то обыденным, я видела её очень часто, особенно на улице. Начиная с бродячих животных и заканчивая бомжами алкоголиками, а иногда и некоторыми из нас.

Листовки быстро сгорали, и огонь почти не грел заледеневшие руки. Кто-то отодвинул картон, и я увидела физиономию Цыгана.

– Мелкая, у меня к тебе дело, я зайду.

Ввалился в моё своеобразное жилище и скрутился над огнём.

– Пожар устроишь.

– Холодно.

– Так я могу и согреть, – ухмыльнулся, но дальше намёков не пойдёт, я точно знала.

– Белку свою грей лучше, или не даёт?

Цыган ухмыльнулся.

– Даёт. Мне ты нравишься. Красивая.

Это я и без него знала, точнее, когда-то знала, сейчас я не совсем была в этом уверена: волосы торчат в разные стороны, худящая, кожа да кости, и не оформилась ещё. Сисек нет, месячные приходят, когда им вздумается. Но ведь была красивой – волосы длинные золотистые были, медовые, бабушка в косу заплетала, глаза у меня зелёные, и серёжки в ушах были, золотые, между прочим. Я их зарыла во дворе, чтоб не стырили или вместе с ушами не оборвали.

– Чего надо, Цыган?

– Сегодня приехали иностранцы в дом напротив, там свадьба. Приоденешься нормально и влезешь в толпу. Стащишь пару кошельков, никто не заметит.

– Плёвое дело.

– Ты не поняла, Мелкая, в девку переоденешься, я уже шмоток тебе достал. Никто не заметит, они там налагаются до потери пульса. Не одна пойдёшь, я с тобой, подстрахую внизу.

Я внимательно посмотрела на Цыгана, глазки бегают, губа нервно подёргивается. Учужал, видать, наживу.

– Что за иностранцы?

– Там одна шалава замуж за немца вышла, его друзья понаедут.

– Ясно. Шмотки давай и пожрать, я со вчера ничего не ела, твои крошки не в счёт.

Борзею немного, знаю, но мне можно, мне он позволял борзеть, другим бы зубы выбил.

– Там поешь. Слышь, как орут? Я проверил – все двери нараспашку.

Цыган вернулся со свёртком через несколько минут, я сбросила куртку, содрогаясь от холода, и увидела, как он меня осматривает. Черные глаза сверкнули в темноте.

– Отвернись, придурок.

Отвернулся, ты гляди. Я стащила с себя штаны, футболку. Холод какой, собачий. Развернула свёрток, и даже не глядя, что там, натянула через голову шерстяное платье, потом колготки на ледяные ноги, туфли и свитер. На дне пакета оказалось зеркало и помада.

– Можно уже?

– Валяй, только не ржать.

Он обернулся, и я приготовилась вышвырнуть его из моей халабуды, но он не смеялся, глаза горели все так же.

– Я же сказал – красивая.

Посмотрела в зеркальце. Волосы немного отросли, но все равно короткие, физиономия не грязная, помада, как красное пятно на бледной коже. Что здесь красивого не понятно.

– Идём.

В женской одежде довольно непривычно, скованно как-то, и держаться с ним за руку непривычно, я выдернула ладонь из его тёплых пальцев и пошла вперёд.

Свадьба и правда превратилась в попойку с драками и песнями-плясками. Невеста танцевала на столе, жениха вообще не было видно, и Цыган оказался прав, я вписалась в эту толпу и незаметно юркнула в квартиру, застряла в коридоре. Вещи иностранцев тут же бросились в глаза – модные плащи, дорогие туфли в ряд. Я сунула руку, обшаривая карманы, тут же нашла бумажник. Извлекла, спрятала за пазуху, полезла в другой карман.

В этот момент на моё запястье легла чья-то огромная, покрытая веснушками, лапища и сильно сжала:

– Ты что творишь, твою мать?

Обернулась и увидела раскрасневшуюся физиономию то ли отца невесты, то ли кого из гостей: рыжие усы, пьяные глазки. Я ударила мужика в нос, вот так, как учил Цыган – лбом. Потекла кровь, он заорал, схватился за переносицу, а я бросилась по лестнице вниз, прижимая к груди бумажник. За мной целая толпа. Выбежала во двор, Цыган уже понял, что я спалилась. Кто-то сгрёб меня сзади за шиворот, я увернулась, и упала в грязь. Цыган бросился на обидчика, но тот мёртвой хваткой держал меня за лодыжку. Все, как в замедленной съёмке. В руке Цыгана блеснул нож, он ударил одного из мужиков в бок. Я заорала, но меня уже скрутили, придавили к асфальту, я вырывалась, царапалась. Все орали, как ненормальные, разъярённые пьяные мужики избивали Цыгана ногами и пустыми бутылками, его лицо постепенно превратилось в кровавое месиво, а я смотрела остекленевшим взглядом, пока не приехала милиция.

Наручники щёлкнули у меня на запястьях, пинками и подзатыльниками менты затолкали меня в "бобик". Я прижалась лицом к окну, видя, как там, на асфальте, в грязи, неподвижно лежит Цыган. Спустя несколько часов, на допросе, мне скажут, что он умер, и это было несчастным случаем. Тем упырям, которые забили его насмерть, ничего не сделают.

В участке, в кармане моего свитера каким-то образом оказались наркотики, а ранение того самого мужика приписали мне. Сказали, на ноже нашли отпечатки моих пальцев. Мне дали десять лет колонии строгого режима.

Кукла. Израиль. 2009 год

– Разденься! – сутенёр говорил по-русски очень плохо, хотя мог бы говорить и на иврите, я прекрасно владела этим языком, в этой стране я уже успела побывать и не раз, но не в качестве проститутки. Медленно сбросила с себя грязные джинсовые шорты и выцветшую футболку. Осталась в одних трусиках сомнительного цвета и свежести. Посмотрела на него с презрением. Проклятый морокашка возомнил себя Богом или кем там ещё. Он думает, что будет решать, как поступит со мной дальше. Он просто не знает, что в его вонючем борделе на Аленби я не останусь даже на эту ночь. Я найду способ сбежать или меня найдут. Кто и зачем? Возможно найдут, лишь для того, чтобы пустить мне пулю в голову, а заодно и ему? Ведь всегда существовал риск, что я проболталась.

– Красивый Наташка, очень красивый.

Для них все мы русские "Наташки" и не важно: украинка, россиянка, молдаванка – все. Синоним русской проститутки, сродни оскорблению.

– Лех тиздаен!¹ – ответила я и усмехнулась. Он оторопел, погладил толстыми пальцами усы.

– Ты выучил плохие слова, Наташа. Я тебя наказать.

– Ма ата омер?²

И снова удивлённые бровки домиком, обошёл вокруг меня несколько раз. Он был озадачен и уже начинал злиться.

– Я – Цахи, и ты мой зОна³, поняла? Я тебя продавать хороший клиент, и мы делать много денег вместе. Тебя как звать?

– Наташа, – я засмеялась, нагло сплюнула на пол, – Амарти леха – лех тиздаен!⁴

Здоровенный кулак пронёсся в сантиметре от моего лица – не ударил и не ударит. Слишком дорого стоила. Он меня купил на заправке «Делек», в Эйлате.

За тридцать тысяч шекелей налом.

Быстрый аукцион, и три девочки ушли по рукам сарсуров⁵. Под носом у полиции, у посетителей, которые жрали питы с хумусом⁶ и запивали кока-колой, почитывая "Идиот Ахронот"⁷, а там, в двух метрах от них, в туалете, продавали русских "Наташ", и всем было пох*** на нас. Израиль демократичная страна. Мечта Бен Гуриона сбылась ещё в сорок восьмом году⁸.

– Рут, возьми эту сучку, пусть помоется и переоденется, сегодня Ассулин придёт, он любит новеньких, – бросил разъярённый сутенёр, только что вошедшей в маленькую комнату, пожилой женщине.

"Ассулин, значит..." Распространённая фамилия, как у нас Иванов, Петров, Сидоров. Это мог быть просто озабоченный марокканец. Или...это мог быть тот самый Ассулин, с которым я должна была встретиться два года назад. Только тогда я не была русской зОной. Я была...не важно...просто была совсем другим человеком. Я всегда другая, только там внутри все ещё иногда давала о себе знать Маша Свиридова и мечтала выпить горячего чая с малиной. Ей казалось, она проснётся в своей двухкомнатной квартире в 1996 году...и все будет, как раньше.

Лех тиздаен!¹ – Да пошел ты! (иврит)

Ма ата омер?² – Да что ты говоришь? (иврит)

зОна³ – проститутка (иврит)

Амарти леха – лех тиздаен!⁴ – Я же сказала тебе – пошел на х*** (иврит)

Сарсуры⁵ – сутенеры (иврит).

Питы с хумусом⁶ – лепешка, пустая внутри, намазанная хумусом (сродни майонезу, но другое на вкус).

Идиот Ахроног⁷ – Последние Известия (иврит).

Мечта Бен Гуриона⁸ – В одном из выступлений Бен-Гурион (Первый глава правительства Израиля) мечтал, чтобы Израиль стал нормальной страной, со своими преступниками и проститутками (прим автора).

ГЛАВА 2

Кукла. Россия. 2001

Психологический портрет объекта. Обязательный материал к изучению. Пока не станет как родной. Каждый жест, взгляд, образ жизни. Кого трахает, что ест на ужин, где работает. Враги. Друзья. Одеколон. Медицинская карточка. Ха, вплоть до того, о чем фантазирует, когда занимается мастурбацией. Всё. Потому что в следующий раз он должен фантазировать обо мне. Я должна стать его реальностью, той, о ком он мечтал всю жизнь. Так меня учили. Это работало. На девяносто девять процентов. Со всеми. Любой пол и возраст. На один крючок та же приманка, только разного цвета и калибра.

Сегодня у меня первая встреча с новым объектом, все отрепетировано до незначительных деталей. Так я думала, когда наносила на лицо макияж. Я знала, какие женщины ему нравятся. Точнее, его типаж. Хотя, он был довольно всеяден, но закономерность присутствует всегда. Его тянет к худеньким высоким брюнеткам чуть больше, чем к рыжим и блондинкам. Значит, стану брюнеткой. Я покрасила волосы ещё вчера, сделала долговременную завивку. Какое милое личико, немного вульгарное, немного испуганное. Красивая игрушка. Он должен клюнуть без вариантов, а точнее, я выдам столько вариантов, что на один из них он клюнет обязательно. Секс? Эмоции? Жалость? Да что угодно. Я изучила его достаточно хорошо, чтобы испробовать все способы. Никитин. Алексей Алексеевич. Леха. Поиграем?

Игра началась, как только он вошёл в полутёмный зал VIP нелегального казино. Бросаю на него быстрый взгляд – выглядит немного иначе, чем на фотографиях и видео. Из тех типов, которые не блещут фотогеничностью, а в жизни... в жизни он красавец. Уверенная походка, быстрые движения. Видно, что он завсегдатай этого гадюшника. Любитель покера. Выигрывает всегда. Азартный, но в меру. Никогда не рискует. Сегодня нужно, чтобы рискнул. Его ещё не привлёк наш коллектив за крайним столиком, где собрались четверо участников, и я...в виде

выигрыша. Пока могу наблюдать за ним. Ровно столько, сколько займёт времени, чтобы он обратил внимание на наш столик, а точнее, пять минут. Снова смотрю на него. Русые волосы, рост под два метра, светлые глаза, я бы сказала серые. Интересный экземпляр, сексуальный. Закурил, заказал выпить. Впервые обернулся. Взгляд слегка скользнул по мне, скорее безразлично, чем с интересом, на карты посмотрел, приподняв одну бровь. Немного удивлён, что на столе нет купюр. Ставок. Отвернулся, потягивает скотч. Начинаем играть.

– Э, Серый, так не пойдёт. Мы ещё не закончили. Кукла будет моей.

Сказал громко, но объект не проявил интереса. Моя роль. Встаю.

– Сидеть, – рявкнул Гоша довольно громко. Никитин обернулся. В этот самый момент Гоша, насильно удерживая меня за затылок, заставил сесть к себе на колени. В глазах Никитина лёгкий интерес. Не более. Снова смотрит на стол, опять на меня, а я на Гошу. В глазах страх и немая мольба. Я хорошая актриса.

– Не надо. Я прошу тебя. Я расплачусь. Честно.

– Чем ты, сука, расплатишься? У тебя ни копейки.

Никитин поворачивается к нам боком...о, да...он заинтересован, но не настолько, чтобы вступить в игру. И мы начинаем ставки. На столе появляются увесистые пачки денег. Объект снова отвернулся, затушил сигарету в пепельнице. Сильные пальцы, немного вздутые вены на запястье. Готова поклясться, что у него есть ствол. Игра продолжается. Ставки растут. Неожиданно появляется ещё одна компания. Объект неожиданно сваливает за другой столик. Чтоб меня. Я была уверена, что он не станет сегодня играть. Мне заказывают выпивку. План изменяется.

– Давай детка, станцуй, пока мы играем. Повеселись.

Гоша стряхивает меня с колен, и я иду к барной стойке. Взгляд на Никитина. Не смотрит. Пьёт скотч, болтает с друзьями. Видимо играть не будет...или будет?

– Кукла, давай у шеста. Мы посмотрим. Развлеки нас.

Иду к шесту в самом углу зала на своеобразной крошечной сцене. Играет дурацкая музыка. У меня в руках бокал с мартини. Столик Никитина возле сцены. Прохожу мимо и ставлю бокал, на ходу сбрасывая короткую куртку на пол. Вот теперь они должны смотреть мне вслед. Обязательно. На мне короткий топ и джинсовая юбка, наклонюсь, и красивый вид сзади им обеспечен, спина открыта, высоченные шпильки. Я виляю бёдрами. Вряд ли кто-то из них остался равнодушен.

– Давай, детка, – подбадривает Гоша.

Я начинаю танцевать. Привычно. С шестом знакома. Пилон – одна из обязательных тренировок с хореографом, с постановкой танца и пластики, а также акробатика.

Мне есть, что показать, и я показываю. Знаю, что теперь смотрят все. Прокручиваюсь вокруг шеста, резко поднимаю голову, волосы падают на лицо. Встречаюсь с ним взглядом. Смотрит. Чуть прищурился. С интересом. Оценил. Ещё бы. Иначе и быть не могло. Теперь он периодически бросает взгляд на сцену. Через некоторое время Гоша тянет меня обратно к столику и заставляет сесть на колени к Артисту. Вот сейчас я точно знаю – Никитин не сводит с нас глаз. Оценивает ситуацию. Кажется, начал понимать, что именно происходит. Я встаю с колен Артиста и громко говорю, что мне надо в туалет. Он пойдёт за мной. Должен. Если не нет, то это проигрыш. Времени мало.

Захожу в туалет и смотрю на себя в зеркало. Выгляжу как надо. На все сто. Томные зелёные глаза с чёрной подводкой, пухлые губы, курносый нос, ямочка на щеке. Кукла. Длинные ресницы, тонкие брови, выющиеся волосы. Сколько мне лет? В промежутке от шестнадцати до восемнадцати. Выгляжу я именно так, а паспорт никто не попросит. Я красивая и я об этом прекрасно знаю. Ведь недаром куклой зовут. Кличку Макар придумал. Фантазёр хренов, я тогда блондинкой была. Четыре года назад.

Ещё несколько секунд смотрю на своё отражение, достаю флакончик из лифчика и капаю в глаза. Жжёт. Несколько секунд, и склеры краснеют, по щекам катятся слезы. Кусаю губы, чтобы стали более припухлыми. Кукла плачет. Красиво плачет. Хоть снимай на видео. Считаю мысленно до десяти. Никто не заходит. Неужели? Просчиталась? Выхожу из туалета... Объект курит прямо у выхода, облокотился о стену, смотрит чуть прищурившись. У него интересное лицо. Очень мужественное, даже грубоватое, а вот глаза. Даже издалека видно длинные ресницы. Взгляд с поволокой. Заметил слезы? Я прохожу мимо.

– Проблемы? – доносится вслед.

У меня? Нет, милый, в эту самую секунду проблемы начались у тебя.

Гоша выскакивает "на сцену". Пощёчина. Я хватаюсь за лицо. Он бьёт ещё раз уже по другой щеке.

– Сука. Я сказал не уходить? Я сказал сидеть у него на коленях? Сказал или нет?

Хватает меня за волосы. Больно, но так надо. Мы это репетировали сотню раз.

– Эй, поаккуратней с девушкой. Руки убрал!

– Потухни, м***к. Не твои разборки, не лезь.

Гоша демонстративно тянет меня за волосы по коридору. Две секунды, и он уже валяется на полу, зажав руками разбитый нос. Никитин стоит над ним, потирая костяшки пальцев.

– Это за му***а.

Все идёт по сценарию. Врывается Артист с пушкой на взводе и целится в Никитина. Интересная реакция у объекта – лыбится. Хищная улыбка. Опасная. Мне нравится. Интересный тип, очень харизматичный. Я кое-что таки упустила, изучая его в течение месяца.

– Я так понял, вы играете? Может, сыграем вместе?

Есть! Адреналин тут же подскочил выше нормы. Есть! Попался!

– На хер ты нам нужен? – стонет Гоша, поднимаясь с пола и вытирая разбитый нос платком.

– Какие ставки? – не понимает Никитин

– Тебе не по карману, м***к! – ещё один удар, Гоша в нокауте. Артист по-прежнему держит Никитина на мушке. Тот пожал плечами:

– Я его предупреждал насчёт му***ка. Так какие ставки?

– Кукла, – отвечает Артист.

– Она что ли? – Никитин смотрит на меня. Точно, глаза серые, как сталь. Или как молния за секунду до вспышки. Я киваю и закусываю нижнюю губу.

– Ага, вот эта сучка. А проиграешь – штука баксов. Есть такие бабки?

Никитин молчит. Артист хватается за меня под локоть.

– Не все готовы заплатить тысячу баксов за минет с такой красивой сучкой, как ты. Не все такие идиоты, как я. Зацени, Куколка, на что я готов ради тебя.

– Пошёл на хрен, – прошипела я.

– Тихо, тихо, моя сладкая. Не тебе решать.

Гоша поднялся с пола и поплёлся за нами. Прошёл мимо Никитина и задел плечом. Черт. Я затаила дыхание, да и все наши тоже. Объект молчит. Твою мать, он молчит.

Вернулись в залу. Артист стискивает меня и снова сажает к себе на колени. Гоша ругается матом. Я молча считаю до ста. Внезапно Никитин придвигает стул к нашему столику и садится напротив меня с Артистом. Достает из внутреннего кармана куртки увесистую пачку денег и кладёт на стол.

– Играем?

Гоша присвистнул.

– С одним условием. Она пусть в сторонке посидит.

Рыцарь ты мой. Я смеюсь про себя. Знал бы, кого спасаешь.

Конечно, он выиграл. Артист и Гоша, правда, помотали его маленько, но выигрыш был честным. Теперь самое интересное. Роль нужно выдержать до конца. Артист достал ствол, начал угрожать объекту, размахивать руками. Получил в челюсть, притом несколько раз, и остался без пушки. В драке Никитин походил на танцора. Божественно двигался, как в кино. Я даже засмотрелась. Все удары чёткие, резкие, продуманные, отточенные. Раскидал парней в два счета и обезоружил. Красиво, честно. Все, как мы планировали. Правда, Гоше светит больничка – нос ему все же доломали. Так и надо козлу, он таки выдрал мне прядь волос. Отомстил сволочь за то, что по яйцам когда-то дала.

Я вжалась в стену и смотрела на победителя расширенными глазами. Он поднял с пола мою куртку и бросил мне. А потом... Ни хрена себе. Он просто ушёл. А вот это уже не по плану. Нужно срочно импровизировать. Разве он не должен воспользоваться выигрышем? А как же характеристика бабника, кобелины и сексуально озабоченного типа? Я ведь на это рассчитывала. Вот черт. Я бросилась за ним.

– Эй

Он обернулся, как раз подошёл к своему "шевроле".

– Можно с тобой?

Усмехнулся уголком рта, а глаза все равно холодные, серые, колючие.

– Зачем?

Как ушат холодной воды. По плану он должен был затащить меня в постель. Или что-то не так со мной? Пришло время пустить в ход более сильное оружие. А как насчёт жалости, рыцарь?

– Мне некуда идти... Если бы ты проиграл, я бы пошла к Артисту... А так, на улице ночевать.

На его лице недоумение. Пожал плечами и сел в машину. Вот дьявол. Твою мать. Уехал. Я облокотилась о стену и, закусив губу, села на корточки. А ведь все шло по плану. Прямо по нотам. Скрип покрышек... О да! "Шевроле" сдаёт задом и через две секунды поравнялся со мной. Дверца с моей стороны приоткрылась. Без лишних вопросов села рядом, и мы сорвались с места. Я ёжусь от холода. Смотрю, снимает куртку и даёт мне. Накидываю на плечи. Тепло. Пахнет сигаретами и его одеколоном. Хорошо пахнет. Мне нравится. Кутаюсь и перестаю дрожать. Ствол у него все же есть, сзади, за поясом штанов, но он его даже не вытащил. А зачем? Он мог убить одним ударом. Это я точно знала.

– Как тебя зовут? – закурил, а я смотрю на его профиль. Красивый. Не в моем вкусе немного. Не люблю блондинов. Но этот... Брутальная внешность. На фотографиях он смотрелся совсем иначе.

– Кукла, – ответила я.

Он усмехнулся.

– Кукла, значит кукла. Есть хочешь?

Немного не мой вариант игры. С ним планировала играть сексуальную жертву, а не девочку-подростка. Но видимо просчиталась.

– Хочу.

Отвернулась к окну.

– Дай сигарету.

– Ещё чего. Во-первых, принципиально не даю малолеткам, во-вторых, не люблю курящих женщин.

– А ты планировал со мной целоваться?

Посмотрела на него довольно нагло, и снова эта улыбочка. Сексуальная. Чтоб меня. Задевает «по самое не хочу», но больше всего задевает то, что он не смотрит на меня, как на женщину, а я привыкла к сальным глазкам, текущим слюнкам и непрерывной эрекции, когда я

поблизости. Точнее, не так. Он смотрит. Ещё как смотрит, только взрослой женщиной меня не считает.

– В-третьих, я не педофил, ясно?

Ясно. Я перестаралась с этим сладким образом. Да, мне девятнадцать, почти двадцать, придурок. Хотя выгляжу я младше, когда захочу. Но видно сейчас, в полумраке, с размазанной тушью и припухшими губами я тяну на пятнадцать или шестнадцать.

– Мне семнадцать, – соврала я.

– Может, шестнадцать с половиной? – сказал он и затянулся сигаретой. Черт, и мне хотелось курить, очень.

– Семнадцать с половиной. А тебе?

– На десять больше. Значит так, Кукла, мы едем ко мне. Ты тихонько поспишь на диване, а завтра свалишь, ясно? Кстати, за воровство отрезаю пальцы.

Даже не обернулся ко мне. Черт, какая-то часть меня взбунтовалась.

– Я не воровка.

– Вот и отлично. Просто предупредил.

Я прекрасно знала его квартиру и изнутри, и снаружи. Но разыграть дезориентацию в чужом помещении не составило труда. Я сняла туфли и отдала ему куртку и сумочку. Никитин разделся. Остался в футболке и джинсах. Окинул меня взглядом.

– Пойди в душ сходи. Боевой раскрас смой. Поищу для тебя переодеться, и ужинать будем. Кукла.

– А...ты...

– Алексей Алексеевич, – сказал он и стянул футболку через голову, бросил на кожаный диван.

– Да, ладно. Ты серьёзно? Может, просто Лёша? – я капризно надула губки. Хочет девочку, будет ему девочка.

– Для тебя Алексей Алексеевич, желательно на "вы", и точка.

У него красивое тело. Рельефное, мускулистое. Накачанный пресс, сильные руки, широкие плечи. На правом плече татуировка. На руках проступают вены, как провода с нервами. Тронешь – лопнет. Обычно у блондинов светлая кожа, а у него бронзовая, тёмная. И ещё контраст волос и бровей, сумасшедший контраст. У него черные брови и черные ресницы. Я открывала в его внешности новые грани. Они меня волновали. Не знаю, с какой стороны, но эмоционально я вспорхнула вверх.

– Ванна по коридору налево.

Ванная комната явно свидетельствовала о том, что здесь не обитает женщина. Впрочем, я и так знала – Никитин баб домой не водит. Была одна пару лет назад, и все. Я влезла под душ, растёрла себя мочалкой, вспенила волосы мужским шампунем. Я лихорадочно думала. Что ж. Такой расклад мне даже нравился. Хотя меня и готовили, что скорее всего на этом задании придётся расстаться с девственностью. Меня это не страшило. По барабану. О сексе я знала все. Меня научили. Теоретически. На практике пока не приходилось. Точнее, задания были с сексуальным подтекстом, но меня ещё ни под кого не подкладывали. Видно берегли мою девственность для особого случая. Я знала, что рано или поздно это произойдёт. Почему-то сейчас меня это не только не напрягало, а в какой-то мере даже возбуждало. В голове замигала красная лампочка "ОСТОРОЖНО ОБЪЕКТ". Да, знаю я, знаю. Никаких эмоций. Просто интересно. Он интересный и...красивый. И я люблю играть. Люблю провокацию, и чем тоньше и эмоциональней игра, тем больше удовольствия я испытываю. Я люблю сложную игру, на грани. Раньше ОНИ быстро проигрывали, а с ним будет сложнее. Прорвать плотину. Дьявольски интересно. Я выключила душ. Постояла несколько минут, выбирая полотенце.

В дверь постучали:

– Можно?

– Да, – ответила не задумываясь.

Он переступает порог и замирает. Вряд ли я похожа на жертву педофила. У меня округлая грудь, тонкая талия, крутые бедра. Я худенькая, но не хрупкая. И у меня далеко не тело ребёнка. Он покраснел? Ещё бы. Ведь глаза-то мужские, и не смог удержаться. Царапнул взглядом все тело и тут же отвернулся. Интересно, у него встал? Почему от этой мысли между ног стало горячо.

– Твою мать! – протягивает мне одежду, я осторожно беру, и он выскакивает из ванной как ошпаренный. Триумфально улыбаюсь. Наверное, теперь Никитин сомневается – извращенец он или нет.

Я натянула на голое тело его рубашку, покрутила в руках мужские шорты и закинула их на стиральную машинку. Рубашка и так достаёт мне до колен. Открыла дверь, внизу на коврике стоят тапочки. Заботливый. Сунула холодные ноги в обувь и пошлёпала на кухню. Никитин возился у плиты на которой сердито шипела сковородка с яичницей. Я облокотилась о косяк двери, накручивая прядь волос на палец.

Закипел чайник и объект налил кипяток в чашку, резко обернулся и ошпарился. Поднёс палец к губам. У него красивые губы. Чётко очерченные. Я облизала свои кончиком языка. Мне даже захотелось самой пососать его палец. Черт, отчего он так нервничает? Ах да. У меня в руках платье и трусики с лифчиком, а это значит, что под его рубашкой на мне ничего нет. Смутился? Неужели?

– Садись за стол.

Кивнул на табурет. Я села и снова посмотрела, как он орудует со сковородкой. Холостяк. Сразу видно, сам себе готовит.

– Кукла, может, скажешь, как тебя зовут?

– А это важно?

– Ну, я обычно не привожу в дом чужих. Не нарушаю правила. Так что облегчи мне муки совести. Будем считать, что мы знакомы.

– Маша, – и сама удивилась, сказала ему настоящее имя. Непроизвольно. Чтоб меня. Засмотрелась на его трицепсы, когда он переключал яичницу мне в тарелку.

– Вот и хорошо, Маша. Ты спишь в зале на диване. Утром уматываешь.

Я кивнула и с наслаждением проглотила кусок яичницы, запила чаем. До утра я придумаю, как остаться с тобой ещё на одну ночь. А потом ещё и ещё. Потому что у меня в запасе только месяц. И пока что все идёт по моему плану. Вру, не все, но большая часть...

Я не спала. Никогда не спала на чужом месте. Закон. Смотрела в темноту. Интересно, он спит? Скорее всего нет. Вижу свет под дверью его спальни. Хотела встать, но послышались шаги, и я закрыла глаза. Я знала, что он выйдет проверить. У женщин есть редкая способность смотреть сквозь ресницы. Я видела, как Никитин неслышно подошёл к дивану. Остановился. Все ещё одет. Темные джинсы, кожаный пояс с металлической пряжкой прямо у меня перед носом. Как и ширинка... Захотелось судорожно сглотнуть слюну.

– Ты не спишь, – не вопрос, а утверждение.

Я тут же открыла глаза.

– Не сплю. А должна?

– По идее, должна, – задумчиво ответил он, стараясь не смотреть на мои голые ноги.

– Я – сова.

– Я тоже. Кофе будешь?

– Буду, конечно.

– Почему они играли на тебя в карты?

Я знала, что он спросит. Давно ждала. По идее, должен был это сделать ещё в машине.

– Денег должна, – ответила я и отпила кофе.

– Это я уже слышал. Сколько должна?

– Много.

Он прищурился, и я поняла, что это привычка. Кстати, ему шло. В уголках глаз появлялись морщинки. Мне нравилось.

– Я не люблю пространственные ответы, Кукла.

– Тысячу баксов.

Невозмутимо ответила я и снова отпила кофе. Чёрный. Как я люблю. С тремя ложками сахара.

– Круто. За что?

– Меньше знаешь, лучше спишь.

– Я вообще не сплю. Так что можешь говорить.

– Не твоё дело.

Он покрутил чашку на блюде. Злится. Я чувствовала всем нутром, и мне это нравилось. Я кайфовала. Вытянула его на эмоции.

– Верно. Не моё. Все, вали спать.

Встал, пошёл в комнату. Я посмотрела на его куртку, висящую на вешалке. Из кармана торчала пачка сигарет. Если стащу одну сигарету, это ведь не воровство?

Я на цыпочках подкралась к куртке, схватила сигарету, и в тот же момент мои запястья перехватили жёсткие пальцы, сжали до дикой боли.

– Я предупреждал.

– Отпусти, – на глазах выступили слезы. Чертовски сильные у него пальцы.

– И не подумай. Отдай то, что взяла, и вали отсюда нахрен.

Подняла на него глаза и прикусила губу.

– Уверен?

– На все сто. Ненавижу воровство, особенно в своём доме.

Он с такой силой надавил мне на запястье, что я невольно разжала руку, и обломки сигареты упали на пол. Он тихо выругался матом. Я дёрнулась к двери, но Никитин впечатал меня в стену.

– Могла попросить, – прошипел он. Его грудь вздымалась, и я видела, как раскачивается на цепочке медальон.

– Я просила – ты не дал. Прочитал лекцию.

– Ты так сильно хотела?

– Да! – выпалила я и потёрла запястье, на котором остались следы от его пальцев. Никитин отпустил меня. На секунду его взгляд задержался на расстёгнутых верхних пуговицах моей рубашки. Серые радужки слегка потемнели. Или мне кажется?

– Застегнись, – бросил он, – Я принесу лёд.

Через несколько минут я прижимала холодный компресс к синяку и курила. Он сам отдал мне сигареты. Бросил на диван целую пачку и ушёл к себе в спальню. Я не знала, кто сейчас проиграл. Он или я? Ментально Никитин отымел меня. Только что, когда грубо сжал меня у стены. Я поплыла. Если вообще точно понимала тогда, что это такое. Но мне стало нечем дышать. Я смотрела на его горящие глаза и чувствовала, что мне нравится эта грубость, власть. На секунду я готова была отдать ему контроль. Я возбудилась. Впервые с объектом. Захотелось забыть, кто я, и зачем я здесь.

ГЛАВА 3

Кукла. Россия. 2001 год

Утром я проснулась от того, что на меня смотрят. Пристально. Действуя мне на нервы. Я медленно открыла глаза. Лёша (я не могу называть его иначе...ну какой из него Алексей Алексеевич? А?) скрестил руки на груди и рассматривал меня. Сейчас его взгляд не выражал ровным счётом ничего. Полное безразличие.

– Уже восемь. Я на пробежку, а ты домой. Мама с папой, наверное, ищут.

Я фыркнула. Про маму с папой ещё рано заливать. Не время бить на жалость. Я уже знала, что будет дальше. Точнее, я предполагала. Немного выбивало из колеи его равнодушие или упорное желание казаться безразличным. Но у него такая профессия. Точнее, он так натренирован. Спецназ. Горячие точки. Назло папаше депутату, который упорно пытался отмазать от армии, а он ринулся в самое пекло. Выдержка железная. Но...ха...я расплавлю это железо. Или я – это не я.

Я потянулась. Как кошка. Удобный диванчик. Вообще квартира отличная, простовато для сынка депутата, но очень ничего. Мне нравилось. Рубашка поползла вверх и полностью открыла мои ноги, в миллиметре от... Резко открыла глаза. Да. Я знала, что он смотрит именно так. Ошалело. Потерял контроль на секунду. А я подхвачу, а обратно уже не отдам. Кадык Никитина судорожно дёрнулся, а грудная клетка начала хаотично подниматься и опускаться. У него хорошая память...Да, милый, под рубашкой ничего нет, ты все правильно помнишь...Он возвышался надо мной, как гора. Я не удержалась и опустила глаза ниже. Вот теперь у него стоял. Сто процентов. Спортивные штаны не скрывали эрекции. Так кто там говорил, что он не педофил? Смотрю в его глаза, а там серое пламя. Лёд сменился лавиной или жидким азотом. Все равно мне нравилось. До одури.

– Прикройся, мать твою.

Швырнул в меня мои шмотки. Пошёл в сторону кухни, на ходу доставая пачку сигарет из кармана. Готова поклясться, что у него дрожат руки. Какая нахрен пробежка? Он просто хотел выпереть меня из дома. А теперь? Тоже хочет? Или он уже хочет другого? Захочет. Все только начинается.

– Дверь не заперта, – крикнул из кухни чуть хриловато. Я его достала.

Круто. Хорошо. Пусть думает, что выиграл.

Стою у дороги. Он смотрит в окно. Я точно знаю. Игра продолжается. Я поставила ногу на бордюр и вытянула руку вперёд, голосуя. Скоро тут очередь выстроится. Я-то в коротенькой юбке, в топе, и куртка на плече. Волосы развеваются на ветру. Соблазн для придурков. А вот и первый. Подкатила иномарка-кабриолет. Парень в солнцезащитных очках с сигарой в зубах. Смотрит на меня, улыбается.

– Куда отвезти, крошка?

Краем глаза вижу, как Никитин вышел из подъезда, руки в карманах на голове капюшон. Идёт к нам. Нарочито громко отвечаю:

– На край света, сладкий. Отвезёшь?

– Хоть на другую планету. Запрыгивай.

Открыл дверцу. В тот же момент мой вчерашний спаситель силой захлопнул ее и взял меня под локоть. На секунду наши взгляды встретились. Впечатляет. Злой. Глаза уже не серые, а черные.

– Эй, мужик! – парень в кабриолете явно возмутился.

– Потухни и вали отсюда!

Никитин потянул меня к себе, а я и не думала сопротивляться.

– Эй, отпусти девочку.

Тот хотел выскочить из машины, но Никитин посмотрел на него исподлобья.

– Не советую вмешиваться, – прозвучало убедительно, даже для меня. Парень пожал плечами и укатил. Лёша тряхнул меня за плечи, и волосы волной упали мне на глаза. Я улыбалась.

– Ты! Ты что творишь? – рявкнул он, – Ты хоть знаешь, что здесь за район? Тебя мама с папой не учили, не садиться к чужим в машину?

Вот он – момент. А теперь, давим на жалость.

– У меня нет мамы с папой, придурок. Отпусти.

– Так, пошли. Поговорить надо.

Бинго. Он тащил меня обратно, а я упиралась, что есть силы. Упала, разодрала коленку, тогда он перекинул меня через плечо и понёс по ступенькам. Толкнул дверь ногой, запер изнутри. Занёс меня на кухню и усадил прямо на стол. Оперся на руки по обе стороны от меня и смотрел мне прямо в глаза. Я всегда выдерживаю подобные состязания "кто кого пересмотрит", так что и в этот раз он первый отвёл взгляд.

– Давай, Кукла, рассказывай, кто ты? Только честно.

– А за вранье ты отрежешь мне язык?

На секунду его глаза вспыхнули. Потому что когда я это сказала, я провела кончиком языка по нижней губе.

– Нет, я дам тебе по заднице.

Во мне все всколыхнулось, обожгло низ живота. Почему-то представила себе, как его смуглые пальцы ложатся на мой белый зад, и стало трудно дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.